



[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.60.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.010)

Оригинальная статья / Original paper



М.М. Якушев

*Историко-документальный департамент
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mtyakushev456@gmail.com*

«Ключи от султанского двора». Российские драгоманов и секретари в Константинополе во второй половине XVIII в.

Аннотация

Статья посвящена деятельности драгоманов и секретарей, служивших в российской Константинопольской миссии в XVIII в. Их основные усилия были нацелены на продвижение интересов России в Османской империи и сосредоточены на реализации дипломатических и разведывательных целей, протокольных, переводческих и канцелярских функций, вопросах делопроизводства и документооборота. Среди первых драгоманов и секретарей были православные подданные султана, помогавшие послам, посланникам в осуществлении стоящих перед ними задач и облегчавшие коммуникацию с их коллегами из иностранных государств, официальными представителями дворца Топкапы и Высокой Порты. Драгоманов и секретари также помогали в сборе секретных документов и получении от информаторов и агентов сведений, касающихся внутренней и внешней политики Османской империи и ее контактов с иностранными государствами.



Ключевые слова:

Высокая Порта; Константинопольская миссия; посол; посланник; драгоман; секретарь; Н.В. Репнин; М.И. Голенищев-Кутузов

Для цитирования:

Якушев М.М. «Ключи от султанского двора». Российские драгоман и секретари в Константинополе во второй половине XVIII в. Исторический вестник. 2026. Т. 60. С. 276–291. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.60.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.010)



Mikhail M. Yakushev

*Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: mmyakushev456@gmail.com*

**«The Keys to the Sultan's Court»:
Russian Dragomans and Secretaries
in Constantinople in the Second Half
of the Eighteenth Century**

Abstract

The article examines the activities of dragomans and secretaries who served in the Russian mission in Constantinople in the eighteenth century. Their principal efforts were aimed at advancing Russian interests in the Ottoman Empire and focused on diplomatic and intelligence objectives, protocol, translation and clerical functions, and matters of record-keeping and document management. Among the earliest dragomans and secretaries were Orthodox subjects of the Sultan who assisted ambassadors and envoys in carrying out their duties and facilitated communication with their

counterparts from foreign states, official representatives of the Topkapı Palace, and the Sublime Porte. Dragomans and secretaries also assisted in collecting confidential documents and obtaining data from informants and agents concerning the internal and foreign policies of the Ottoman Empire and its relations with foreign states.

Keywords:

Sublime Porte; Russian mission in Constantinople; Ambassador; Envoy; Dragoman; Secretary; N.V. Repnin; M.I. Golenishchev-Kutuzov

For citation:

Mikhail M. Yakushev. «The Keys to the Sultan's Court»: Russian Dragomans and Secretaries in Constantinople in the Second Half of the Eighteenth Century. The Historical Reporter. 2026. Vol. 60. P. 276–291. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.60.010](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.010)



нешнеполитическая деятельность России в Османской империи неразрывно связана с работой российской дипломатической миссии. По Константинопольскому мирному договору 1700 г. Россия получила право иметь в османской столице постоянного дипломатического представителя в ранге чрезвычайного посланника. Среди всех российских представительств дипломатическая миссия на Босфоре стояла особняком.

Структура Константинопольской миссии предусматривала наличие ее глав — чрезвычайного посла, посланника или резидента, в подчинении которых находился советник или секретарь, в зависимости от статуса принимающей стороны. По кадровому составу и функциональным обязанностям персонал всех дипломатических представительств был практически идентичным и лишь миссии в государствах Востока дополнительно имели драгоманов — переводчиков с местных языков. Драгомены обладали широким функционалом. Первый или политический драгоман касался важнейших дел во взаимоотношениях России с Портой, что делало его значимым для руководителя Константинопольской миссии человеком. У первого драгомана имелся помощник, который был обязан работать с османскими судами, полицией, участвовать в решении вопросов коммерческого и имущественного характера. Все

остальные драгомены работали по менее важным направлениям деятельности российского дипломатического представительства при османском дворе. В посольствах и миссиях драгомены имели должности первого, второго, третьего, четвертого и даже пятого драгоменов с соответствующим жалованьем.

Известны имена целой плеяды переводчиков Константинопольской миссии первой половины XVIII в., внесших весомый вклад в дипломатическую и разведывательную деятельность России на Босфоре: С. Лаврецкий, Д. Петров, П. Кучумов, С. Чижинский, А. Ботвинкин, Ф. Константинов, М. Арсеньев, А. Почайнов, П. Софонов, П. Ратка, И. Суда, А. Васильев, С. Волков, М. Тевкелев, Г. Мальцов, Ф. Сенюков (Сеняков), И. Бакунин, К. Ретькин, Я. Похвиснев, П. Аргаматов, а также иностранцы — Флорио Беневени, Гаспар Теста, Николай и Лука Барка, Антон и Андрей Марини, ставшие первопроходцами переводческого корпуса России на Босфоре¹. Во второй половине XVIII в. переводчиками торжественных посольств в Константинополь были С. Дементьев, П. Щукин, Д. Мельников, С. Мельников, Г. Мышкин, И. Северин, С. Лашкарев (Лошкарев), И. Форсман, А. Палладоклис, Г. Панайодорос и др.² Некоторые из вышеупомянутых драгоменов также выполняли функции секретарей.

С Константинопольской миссией взаимодействовали драгомены, служившие в различных дипломатических представительствах османской столицы. Должность драгомена давала ее обладателю особые привилегии, а семьи драгоменов причислялись к особой знати³. Некоторые семьи фактически монополизировали посты драгоменов, создавая целые династии: Тарсия, Бориси, Брути, Грилло, Навон, Пирон и пр.⁴

Местные драгомены при миссии были незаменимыми, так как в тот период большинство глав дипломатических миссий не владели османским языком и не знали, как вести дела при Высокой Порте, а также потому, что драгомены были не только устными и письменными пере-

¹ Якушев М.М. «Приятели ево работают великому государю в чем могут усердно». Иностранцы на русской службе в Царьграде в первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2025. № 8. Август. С. 20–31.

² Информация содержится в фонде «Сношения России с Турцией» (Ф. 89) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ).

³ Testa M. de, Gautier A. L'origine des dynasties de dragomans // Bulletin de l'association des anciens Elèves de L'inalco. 1992. Octobre. P. 7–12.

⁴ Testa M. de, Gautier A. Dragomans et diplomats Européens auprès de la Porte Ottomane. Istanbul, 2003. P. 130.

водчиками, выполняли протокольные и курьерские функции, но и часто работали «связными» и «посыльными»; при этом часть из них самостоятельно вела переговоры, собирала важную информацию и давала ценные советы⁵. Однако большинство глав Константинопольской миссии имели альтернативные каналы связи, как с Высокой Портой, так и с султанским двором, которые нередко использовались для проверки лояльности драгоманов и подлинности предоставляемой ими информации. Часто звеньями этой цепочки становились посольские секретари, лекари и казначеи, а также драгоманов адмиралтейства, османского правительства и султанского дворца.

По мере развития международных отношений спрос на драгоманов стал возрастать, что повлекло за собой создание при драгоманате специальной школы переводчиков со своими воспитанниками, которых позднее стали называть студентами-переводчиками или младшими драгоманами.

Специальные посольства во главе с чрезвычайными посланниками, направлявшиеся в Константинополь с особыми дипломатическими миссиями, имели в составе многочисленной свиты немало дворян и офицеров посольства, некоторые из которых выполняли функции секретарей. Так, например, в 1756 г. чрезвычайный посланник князь С.П. Долгоруков (1696–1761)⁶ посетил аудиенцию у султана в сопровождении троих сыновей: секретаря посольства Александра (1721–1763), державшего императорскую грамоту, дворян посольства Владимира и Николая⁷, а также племянника, дворянина посольства Василия, а у садразама — двоих сыновей. В 1760 г. чрезвычайный посланник князь Г.И. Шаховской (1706–1774)⁸ побывал на аудиенциях в сопровождении старшего сына, секретаря посольства Бориса (1737–1813)⁹, несшего императорскую грамоту. В 1763 г. чрезвычайный посланник князь А.С. Долгоруков (1721–1763) посетил первую султанскую и визирскую аудиенции в сопровождении племянника Якова Долгорукова, дворянина посольства, армейского

⁵ Шихзаманова Т.Н. Институт драгоманов в Османской империи — мост между Западом и Востоком // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М., 2015. С. 61–64.

⁶ Сын Петра Михайловича Долгорукова и Анны Ивановны Бутурлиной, муж Ирины Петровны Голицыной.

⁷ У С.П. Долгорукова были также сын Петр, дочери Анна, Мария (ст.), Мария (мл.) и Анастасия.

⁸ Сын Ивана Перфильевича Шаховского и Татьяны Федоровны Коркодиной, муж Марии Илларионовны Кошкарновой.

⁹ У Г.И. Шаховского были также сын Николай и дочери Дарья и Варвара.



Дворянин посольства в Константинополе князь В.С. Долгоруков. Худ. Ф.С. Рокотов.
Из открытых источников

прапорщика, державшего «верущую грамоту». В 1756 г. Владимир Долгоруков выполнял функции секретаря (нес назад «визирскую грамоту») во время визита его отца князя С.П. Долгорукова на отпускную аудиенцию у великого визиря, а в 1763 г. Яков Долгоруков исполнял секретарские функции (вез назад «визирскую грамоту») во время визита его дяди А.С. Долгорукова на отпускную аудиенцию у великого визиря.

В XVIII в. самыми известными драгоманами, служившими в Константинопольской миссии, были итальянцы, французы, греки: Марини, Пизани, Тимони, Франкини, Пини, Кирико, Фонтон, Дандри, Буиди и др.

Европейские дипломаты не всегда знали восточные языки, специфику местного менталитета и правила ведения переговоров, которые позволяли добиться нужных результатов в переговорном процессе. Некоторые говорили, что лишь турки могли договориться с турками, владея не только языком, но и аналогичным мышлением. Любая бумага, составленная турками, всегда имела множество изворотов, тонкостей, витиеватостей и завуалированного смысла, поэтому оказывалось достаточно сложно обеспечить перевод документа, а также понять скрытый смысл, зашифрованный внутри послания. Нередко во время перевода драгоманам приходилось давать дополнительные комментарии по разным вопросам, используя в числе прочего собственные знания и информацию, почерпнутую из других источников.

Советники имели совещательные функции при решении наиболее трудных и ответственных задач, стоящих перед дипломатами на Босфоре. Секретари содействовали советникам и резидентам в работе Константинопольской миссии: они записывали послания, составляли и шифровали реляции, депеши и донесения, руководили местной канцелярией. Им же поручали регистрацию документов, выдачу паспортов и депозитов, а также решение вспомогательных задач. В отдельных случаях они выполняли курьерские и разведывательные функции, причем с обязательной доплатой к жалованью. Отдельное место в структуре российского диппредставительства на Босфоре занимали резидентура и военная разведка, имевшие секретные каналы и агентурные сети по всему Константинополю и почти во всех частях Османской империи.

В Константинополе российские посольские драгоманы и секретари выполняли огромный объем работы. Они договаривались с Высокой Портой о визитах русских резидентов, чрезвычайных посланников и послов к султану, великому визирю и другим членам османского кабинета министров, передавали дипломатические ноты и меморандумы специальному османскому чиновнику — великому драгоману Высокой Порты, который руководил всей переводческой службой османского правительства и готовил различные решения по внешнеполитическим делам султанского двора. Российским переводчикам необходимо было знать османский язык, широко распространенный на территории Османской империи арабский язык, а также основные языки деловой переписки в Константинополе — итальянский и французский. Подобных специалистов, особенно по восточным языкам, в России было ограниченное количество, поэтому российское правительство прилагало усилия для подготовки таких кадров.

Константинопольская миссия была не только центром дипломатической и переводческой активности, но и центром разведывательной деятельности. «В обязанности постоянного дипломатического представителя в Константинополе входило налаживание связей и знакомств в различных слоях османского общества, создание сети секретных агентов и “друзей-информаторов”, которых в дипломатической корреспонденции называли “конфидентами”, “корреспондентами” и “информаторами”¹⁰, а также “наблюдение и изучение всех

¹⁰ Якушев М.М. Становление русской дипломатии и разведки на Босфоре в 1700–1720 гг. // Исторический вестник. 2023. № 46. С. 46–65.



Церемониальная процессия в центре Константинополя. Начало XVIII в.
Худ. Ж.-Б. Ванмур. XVIII в. Рейксмузеум (Амстердам)

сфер жизни страны своего аккредитования»¹¹. Главы Константинопольской миссии тщательно отбирали кадры, как штатного дипломатического персонала, так и внештатных или на месте принятых сотрудников. «Выбор хорошего секретаря и дворецкого нужнее всех других служителей. Для посла в секретаре надобны — разум и уверенность, дабы неизменны были инструкции, цифирные азбуки, письма и дела посольства. Сие известно, что больше стараются подкупить секретаря, нежели посла»¹². Из Коллегии иностранных дел в Константинопольскую миссию командировались переводчики, секретари, курьеры и копиисты.

В османской столице в середине XVIII в. при Константинопольской миссии функционировала школа для обучения переводчиков, созданная резидентом И.И. Неплюевым, где языки изучали в разное время от пяти до десяти человек. Русские ученики обучались итальянскому, латинскому и турецкому языкам. Резидент советовал

¹¹ Государева М.Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле в 20–30-е годы XVIII века // Вестник Рязанского университета имени С.А. Есенина. 2011. № 1 (30). С. 96.

¹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1733. Д. 9. Л. 120–121.

присылать малолетних учеников (10–12 лет), которых вместе с обучением можно содержать всего на 50 левков в год (около 75 руб.). Он говорил, что взрослые ученики «хлеба съедят много, а профиту мало можно надеяться»¹³. К 1732 г. состав Константинопольской миссии увеличился, особенно после создания школы переводчиков, так что часть служащих жила на квартире чрезвычайного посланника И.А. Щербатова (1696–1761)¹⁴, прибывшего в османскую столицу годом ранее. И.И. Неплюев был вынужден нанять второй дом для себя и своего помощника А.А. Вешнякова, а в прежней резиденции остались переводчики, ученики и копиисты. В донесении посланник пишет о вынужденном увеличении расходов, оправдываясь, «яко крайнею нуждою на то подвигнутый»¹⁵.

Следует отметить, что первыми «в Стамбул были направлены от Академии наук четыре ученика из дворян для обучения турецкому языку с назначением им жалования»¹⁶.

Эти меры способствовали усилению корпуса драгоманов и секретарей при Константинопольской миссии, а также укреплению дипломатической и разведывательной деятельности в Османской империи. «Знание турецкого языка было в тот период очень востребовано не только в русской миссии в Стамбуле, но и в Петербурге — из Турции начали приезжать дипломатические посольства в Россию»¹⁷. Школа сыграла значимую роль в организации деятельности Константинопольской миссии.

Обычные письма и донесения, как правило, напрямую шли в Санкт-Петербург, но был период, когда они направлялись в Россию через столицы европейских государств. Секретные реляции и депеши, в отличие от обычных («публичных»), были зашифрованы. Важные политические и военные сведения, полученные от тайных агентов, шифровались цифрами¹⁸. Засекречивались также имена самих информаторов, которых называли «корреспондентами», «конфидентами» и «осведомителями». Там же нередко указывались суммы издержек на подкуп шпио-

¹³ Там же. 1721. Д. 8. Л. 24 об.; Там же. 1722. Д. 6. Ч. 1. Л. 48–56.

¹⁴ Сын Андрея Дмитриевича Щербатова, муж Прасковьи Ивановны Стрешневой, отец Натальи Ивановны Щербатовой.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1732. Д. 7. Л. 339.

¹⁶ Там же. 1724. Д. 3. Л. 74; Там же. Д. 4. Л. 78–78 об.

¹⁷ Государева М.Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле. С. 97.

¹⁸ Якушев М.М. Резиденты и секретные агенты России в Константинополе 1721–1751 гг. // Исторический вестник. 2025. № 52. С. 80–97.



Посланник в Константинополе князь И.А. Щербатов. *Неизвестный худ., XVIII в.*
Из открытых источников

нов и другие конспиративные цели. Среди секретной корреспонденции, направляемой в Санкт-Петербург, были копии писем «К турецким министрам из Персии, Закавказья и Крыма», с ценными сведениями о политических намерениях, передвижении войск и т.п.¹⁹

В обычной дипломатической переписке были подробные отчеты, донесения и письма, которые включали в себя описания публичных аудиенций, церемониальных визитов и т.д. Она также содержала описания других мероприятий, посвященных взаимодействию с органами государственной власти Высокой Порты, реестров официальных расходов и личных прошений сотрудников Константинопольской миссии. Отдельную группу составляла документация, в которой фиксировались данные о повседневной работе дипломатического представительства.

Известным переводчиком Константинопольской миссии был Николай Иванович Буиди (Буйдий), «бывший несколько лет и в делах с пользою употребляемый природный грек из Янины», который был определен Вешняковым «в учение переводческих дел»²⁰. А.А. Вешняков так писал о нем: «один бедный греченин уже девятый год находится при миссии,

¹⁹ Государева М.Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле. С. 104.

²⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1752. Д. 7.

годится для перевода с греческого и итальянского на русский и с русского языков, состояния зело тихого, в верности уже испытанного... приносивший немалую пользу, уроженец из Арты, Албании, от добрых и лучших тамо родителей»²¹. В 1735 г. Н. Буйди был ограблен османами, прибыл в Константинополь и «отдался под покровительство» российского резидента, с которым в 1736 г. ездил в Санкт-Петербург, а в 1739 г. был принят на службу учеником переводческих дел и отправлен в османскую столицу.

Другим известным переводчиком был посынок Андрея Марини Александр Пини (Пиний), который в 1739 г. был принят на службу учеником переводческих дел и «по нужде тогда немедленно для посылки в Порте употреблен, за заслуги в переводчики переведен. Говорит по-гречески, по-итальянски и по-турецки яко природной... учился прилежно и с плодом»²². «По-турецки говорит совершенно, однако читать и писать всего сам не в состоянии, хотя и учился зело прилежно, и по времени довольно, и более многих старых переводчиков умеет, яко турецкая грамота, будучи неисправная, зело трудна читать. Понеже пишут без главных букв, и те гласные разно провозглашаются, от чего происходит, что ежели кто с мастером какого-то слова не читал, иногда прочесть не может: сверх того здешние придворные и канцелярские слагания совершенно разны от говорения и простого языка и кто хочет таким же образом слагать, тому нужно уметь по-арабски, и по-персидски, у них же есть разные буквы»²³.

Еще одним известным переводчиком был Франциско Барут, «родом алепинец, мастер знанием арапского, персидского, турецкого и многих других восточных языков, также и христианских — латинского, итальянского, и французского, человек разума недаленого, что других светских дел и обхождения касается, токмо в языках и паче восточных зело искусен и по такому его искусству для изучения языков и переводчиков зело нужен»²⁴.

Всего при российском резиденте в Константинополе А.А. Вешнякове находилось 13 человек, получавших жалованье, «из них видны некоторые, что уже действительно годны и достойны. Другие в надежде и уповании к тому содержатся»²⁵.

²¹ Там же. Ф. 89. Оп. 89/1. 1740. Д. 8. Л. 297.

²² Там же. 1741. Д. 12. Л. 467–468.

²³ Там же. 1743. Д. 5. Л. 307.

²⁴ Там же. Л. 467–468.

²⁵ Там же. Л. 309.



Резидент в Константинополе А.М. Обресков. Худ. Ф.С. Рокотов.
Из открытых источников

В 1740 г. российский резидент в Константинополе А.А. Вешняков оставил освобожденного из османского плена казака Полтавского полка Семена Мироновича Дементьева студентом при Константинопольской миссии. По словам А.А. Вешнякова, С. Дементьев «по-турецки говорит, как природный, пишет рукой дивной, читает свободно»²⁶. В 1751 г. в своем донесении поверенный в делах России в Константинополе А.М. Обресков сообщает о вызове переводчиков Дементьева и Рубинова в Москву²⁷. В 1754 г. С. Дементьев был назначен драгоманом. В 1756 г. С. Дементьев сопровождал из Константинополя до Киева чрезвычайного посланника С.П. Долгорукова, приезжавшего с поздравлением к новому султану по случаю его восшествия на трон. Цель поездки — «свидание с отцом его, с которым он со времени впадения в полон, чему уже более двадцати лет, не видался»²⁸.

В 1752 г. в Константинополе работали четыре переводчика — итальянцы Александр Пини (Пиний), Вильям Дандри (Дандрий), грек

²⁶ Там же. 1743. Д. 5. Л. 309.

²⁷ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1751. Д. 337.

²⁸ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в.: От Ахенского мира до Семилетней войны. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 75–78.

Николай Буиди (Буйдий) и русский Петр Щукин, назначенный на эту должность по протекции влиятельного обер-секретаря КИД И.О. Пуговишников. Отец П. Щукина был посадским человеком, жившим в московской Мещанской слободе. Когда отец разорился, П. Щукин поступил в Славяно-греко-латинский Спасский училищный монастырь, где учился до 1732 г., когда перешел в Риторическую школу. В то время в Синод пришло представление КИД об отправке туда шести лучших учеников, «по два от предметов теологии, философии и риторики», одним из которых стал П. Щукин. В КИД он учился у известного востоковеда профессора Керра, который обучал шестерых студентов с 1732 по 1737 г. В 1739 г. П. Щукин был направлен секретарем в Константинопольскую миссию и с тех пор работал там, оставаясь студентом, но выполняя работу канцеляриста. В 1751 г. он был назначен переводчиком Константинопольской миссии.

В дипломатической переписке упоминаются Али Ходжа «турок в нашей службе — для учения многих языков и переводчиков, также и письма»²⁹; «с пользой в нужных случаях употребляем находящийся при школе нашей турецкого языка учитель Хафис-эфенди»³⁰; а также учитель турецкого языка российских переводчиков и учеников по фамилии Барут.

В документе за 1785 г. встречаются имена студентов школы переводчиков при Константинопольской миссии³¹:

Генрих Годет: «к турецкому языку склонности и способности не имеет и не подает надежды быть драгоманом, но в награждении того может быть исправным канцелярским служителем. Употребляется для французской и итальянской переписки к чужестранным министрам в нужных случаях»;

Степан Лукьянов: отправлен в Синоп с консулом Форсманом, «яко наиболее в турецком языке успехов оказавший и могущий уже употребляться вместо драгомана при консульских постах»;

Яков Конюшенко: «по турецки учится прилежно, охотно и с великим успехом и больше прочих товарищей сей язык разумеет. Употребляется уже первым драгоманом Пизани для переписки и переговоров»;

Иван Леванда: «по турецки учится с отличной прилежностью и успехом»;

²⁹ Там же. Л. 468.

³⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1781. Д. 589. Л. 14 об.

³¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1785. Д. 649. Л. 78–79.

Александр Леванда: «в турецком языке сказывают немалые успехи, а особливо Леванда и Яновский»;

Братья Николай Пизани и Матвей Пизани: «обучаются по турецки с успехом и поведения похвального»;

Иван Винченцо Джанни: «по турецки обучается прилежно».

Также в списке значатся Александр Очиевский, Михайла Демченский и Иван Яновский³².

Таким образом, в школе для переводчиков при Константинопольской миссии проходили обучение будущие кадры, которые после окончания курса пополняли штат диппредставительства или направлялись на вакансии драгоманов и секретарей в генеральные консульства, консульства и вице-консульства России на Ближнем Востоке. Секретари и драгоманов выполняли важные функции в дипломатической миссии на Босфоре, исполняя многочисленные ответственные поручения, в том числе конфиденциального и секретного характера. Они были не просто переводчиками, а ключевыми фигурами в сложном и напряженном переговорном процессе между дипломатическими представителями Российской и Османской империй.

Резиденты, чрезвычайные послы и посланники при османском дворе, а также чрезвычайные и полномочные посланники России в Константинополе не только выполняли дипломатические, протокольные и репрезентативные функции, но и занимались созданием разведывательной и контрразведывательной агентурной сети в Османской империи, в которую были вовлечены секретари и драгоманов, а также налаживали конструктивные связи с иностранными дипломатами и рабочие контакты с визирским и султанским дворами, добиваясь для глав Константинопольской миссии равного положения среди представителей западноевропейского дипломатического корпуса на Босфоре.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

³² Там же.



Список литературы / References

1. Анисимов М.Ю. *Российская дипломатия в Европе в середине XVIII в.: От Ахенского мира до Семилетней войны*. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. С. 75–78.
Anisimov M. Yu. *Rossiiskaia diplomatiia v Evrope v seredine XVIII veka: ot Akhenskogo mira do Semi-letnei voyny*. Moscow: Tovarithchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2012. pp. 75–78. (In Russ.).
2. Государева М.Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле в 20–30е годы XVIII века. *Вестник Рязанского университета имени С.А. Есенина*. 2011;(1):96–106.
Gosudareva M. Yu. Russian Diplomatic Mission in Istanbul in the 1720s–1730s. *Vestnik of Ryazan University named after S.A. Yesenin*. 2011;(1):96–106. <https://www.elibrary.ru/nuzrzj> (In Russ.).
3. Шихзаманова Т.Н. Институт драгоманов в Османской империи — мост между Западом и Востоком. *Иерусалимский православный семинар*. 2015;(6):61–64.
Shikhzamanova T.N. The Institution of Dragomans in the Ottoman Empire — a Bridge between the West and the East. *Jerusalem Orthodox Seminar*. 2015;(6):61–64. <https://www.elibrary.ru/ypdled> (In Russ.).
4. Якушев М.М. «Приятели ево работают великому государю в чем могут усердно»: иностранцы на русской службе в Царьграде в первой четверти XVIII века. *Военно-исторический журнал*. 2025;(8):20–31.
Yakushev M.M. «...The buddies of his work for the great sovereign in what they can diligently». Foreigners In Russian Service in Tsargrad in the First Quarter of the XVIII Century. *Military Historical Journal*. 2025;(8):20–31. <https://www.elibrary.ru/ymnnff> (In Russ.).
5. Якушев М.М. Резиденты и секретные агенты России в Константинополе, 1721–1751 гг. *Исторический вестник*. 2025;(52):80–97.
Yakushev M.M. Residents and Secret Agents of Russia in Constantinople, 1721–1751. *Historical Reporter*. 2025;(52):80–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.52.001>
6. Якушев М.М. Становление русской дипломатии и разведки на Босфоре в 1700–1720 гг. *Исторический вестник*. 2023;(46):46–65.

- Yakushev M.M. The Formation of Russian Diplomacy and Intelligence on the Bosphorus in 1700–1720. *Historical Reporter*. 2023;(46):46–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.35549/HR.2023.2023.46.001>
7. Testa M. de, Gautier A. *Drogomans et diplomats Européens auprès de la Porte Ottomane*. Istanbul, 2003. P. 130.
 8. Testa M. de, Gautier A. L'origine des dynasties de dragomans. *Bulletin de l'Association des Anciens Élèves de L'INALCO*. 1992;(7–12).



 **Михаил Михайлович Якушев** 
Mikhail M. Yakushev

кандидат исторических наук,
советник Историко-документального
департамента Министерства
иностраннных дел Российской Федерации,
старший научный сотрудник Института
востоковедения РАН.
SPIN-код: 8178-3806,
AuthorID: 875714

Ph.D. in History, Advisor at the Historical
and Documentary Department of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, senior researcher at the
Institute of Oriental Studies of the Russian
Academy of Sciences,
SPIN-code: 8178-3806,
AuthorID: 875714

Поступила в редакцию /
Received
13.03.2026

Поступила после
рецензирования /
Revised
27.04.2026

Принята к публикации /
Accepted
13.05.2026